

ЮЛИЯ РЕЗНИК

Лекарство
ОТ ОДИНОЧЕСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Лекарство от одиночества

<https://litres.ru/73983783>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Это что? Такая глупая шутка? – холодно интересуется мой муж, отрывая взгляд от зажатого в руках конверта.

– Это просто ДНК-тест. Согласись, это ненормально, что каждый встречный-поперечный считает своим долгом усомниться в том, что Мишка – твой сын. Достало!

Наша ситуация была бы смешной, если бы не была такой грустной. Когда свекор в первый раз добавил к имени «Мишка» приставку «Япончик», мы только посмеялись, да. Но со временем нам стало не до смеха. Мишка рос, его отекавшее в родах личико разглаживалось, а глазки так и оставались узкими.

– То есть ты хотела, чтобы я убедился в своем отцовстве? Так вот, Эль, здесь написано, что Мишка вовсе не мой сын.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	36
ГЛАВА 5	46
ГЛАВА 6	57
ГЛАВА 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Резник

Лекарство от одиночества

ГЛАВА 1

– Это что? Такая глупая шутка? – холодно интересуется мой муж, отрывая взгляд от зажатого в руках конверта.

– То, что глупая, даже спорить не буду, – смеюсь в ответ.

– Но почему сразу шутка, Юра?

– Ты что, надо мной издеваешься?!

С удивлением вглядываюсь в побелевшее любимое лицо. Внутри что-то екает. Будто беды предчувствие.

– Это просто ДНК-тест, – замечаю я непривычно дрожащим голосом. – Согласись, это ненормально, что каждый встречный-поперечный считает своим долгом усомниться в том, что Мишка – твой сын. Достало!

Задетая Юркиной странной реакцией, отворачиваюсь к окну и, натянув рукава на вмиг озябшие пальцы, делаю несколько глубоких вдохов в безуспешной попытке вернуть себе хорошее настроение. У мужа юбилей, у нас куча гостей за стенкой... Не могу же я вернуться к ним с кислой рожей? К тому же Юру тоже можно понять. Наша ситуация была бы смешной, если бы не была такой грустной. Когда свекор в первый раз добавил к имени «Мишка» приставку «Япон-

чик», мы только посмеялись, да. Но со временем нам стало не до смеха. Мишка рос, его отекавшее в родах личико разглаживалось, а глазки так и оставались узкими. Знали бы вы, какой простор для всяких шуточек и подколов это дало нашим близким! Да, их поддевки были незлобивыми на первый взгляд (вряд ли кто сомневался на самом деле в моей верности мужу), но когда одно и то же начало повторяться из раза в раз, в какой-то момент оно стало проблемой. Сначала для Юры, а потом, неизбежно, и для меня.

– То есть ты хотела, чтобы я убедился в своем отцовстве? – мертвым голосом переспрашивает именинник. Ответ очевиден, поэтому на вопрос мужа я лишь раздраженно веду плечом. Глупо все получилось. От своей выходки я ожидала совсем другого: что мы посмеемся и навсегда закроем для себя эту тему. Только что-то пошло не так. Юра молчит, очевидно, ожидая от меня каких-то оправданий, а я тупо не понимаю, почему должна оправдываться. Неужели до него не доходит, сколько боли мне причиняло то, как настороженно он порой смотрел на Мишку?

– Так вот, Эль, здесь написано, что вероятность моего отцовства составляет ноль процентов.

– А? – оборачиваюсь, открыв рот.

– Если верить этой писульке – Миша не мой сын.

«Не мой сын... Не мой сын... Не мой сын», – эхом гремит в ушах. Сердце обрывается, летит в пятки и снова взмывает вверх, когда я понимаю, что Юра просто врет, чтобы

проучить меня за «ужасную» выходку с тестом. Ну чего я, дуручка, напряглась? Мишка – результат ЭКО, вероятность ошибки полностью исключается. А уж в том, что я верна мужу, не о чем и говорить. Вот уже восемь счастливых лет для меня не существует других мужчин.

– Ну да, заливай, – хохочу я, подбегая к мужу и вешаясь ему на шею. – Какой же ты дурачок, Валов! Придумал ведь... И, главное, с таким серьезным видом задвигаешь мне эти бредни! Артист погорелого театра, блин.

И тут Юра как заорет:

– Да ты совсем, что ли, меня не слышишь?!

Абсолютно дезориентированная, гляжу на его перекошенное лицо. Вот я еще к нему прижимаюсь, а вот уже растекаюсь по стенке. Выходит, он меня оттолкнул? Оттолкнул... Мой Юра? Пришибленно касаюсь рукой гудящего затылка. В процессе я ударила голову. Ничего страшного. Кости черепа – самые твердые в организме. Но сам факт... Пытаюсь, и не могу осознать, не могу постигнуть всего ужаса, который с нами вот только что случился. Это что же такое происходит, а? Что с нами, мать его, происходит?

Пока я, как выброшенная на берег рыба, открываю и закрываю рот, в кухню заглядывает свекровь.

– Ну что вы тут застряли, голубки? Давайте-ка к гостям! Там Бутенко приехал. Говорит, чуть не сорвалось все. Какая-то проверка нагрязнула, – тараторит она, но вдруг почувствовав сгустившееся напряжение, отсекается и уже не так ве-

село интересуется: – У вас все нормально?

Нет. Нет... Мои нервы сдают, с губ срывается странный булькающий звук. То ли всхлип, то ли смех – так сразу и не разберешь. Глаза Веры Павловны, которую я по давней традиции зову мамой, заполоняет тревога. Я не знаю, как в эти глаза смотреть, как объяснять, и надо ли? Ведь наверняка случилась какая-то чудовищная ошибка! Да, правильно. Не нужно спешить. Мы с Юрой разберемся не сегодня так завтра, а старики будут только зря переживать.

– Конечно, нормально. Пойду встречу Жорку.

Юра уходит так быстро, что меня обдает ветерком. Уходит, не извинившись, как будто это нормально – швырять меня вот так.

– Элечка...

– Все нормально, мам. Вы идите. Я сейчас тоже приду, только мясо проверю, ладно? – жалобно прошу я.

– Да-да, конечно. Но если Юрка тебя обидел – только скажи. Я ему быстро надеру уши. И папе наябедничаю! Юрка отца с детства до трясучки боится, ты знала? – заговаривает мне зубы свекровь, обхватив щеки сухонькими ладошками. Вымученно улыбаясь, прижимаюсь к ее лбу своим. Мама гладит меня по спадающим на спину волосам, как ребенка. В детстве этого было достаточно, чтобы преодолеть любую проблему. Вот бы и сейчас так...

– Мясо сторит, – лепечу я, отстраняясь. Свекровь бормочет что-то успокаивающее и, наконец, оставляет меня одну.

Через стеклянное полотно двери наблюдаю за тем, как она перехватывает и уводит прочь заплутавшего в лабиринтах нашего дома гостя. Мне не становится лучше от такой деликатности. Даже напротив. Чтобы не заплакать, заставляю себя сосредоточиться на дыхании. Мои наполненные паникой мысли разбавляет сладкая мысль о том, что нам с Юрой очень повезло с родителями. Назло всем анекдотам и сложившимся в народе стереотипам, мы как-то очень быстро нашли общий язык и стали по-настоящему родными. У нас даже есть общий чат в Телеграм... Да и то, что мы уже столько лет живем с его родителями, что-то да значит.

Обхватив себя за предплечья, отворачиваюсь к окну, за которым до самого горизонта простирается синее море. Жаль, холодно еще. Не помедитируешь, раскинувшись звездой на волнах. Помню, когда у нас с Юркой не получалось забеременеть, я только морем себя и спасала. Вода смывала с глаз соль отчаяния, приводила в порядок мысли и шумела в ушах: «Все будет хорошо».

Взгляд цепляется за брошенный на подоконнике результат теста. Я была до того уверена в его положительном результате, что даже не посчитала нужным заглянуть внутрь, перед тем как показать его Юре... А тут, да. Ноль процентов. Ноль. И хрен с ним, казалось бы. Ясно же, что имеет место какая-то чудовищная ошибка, но, боже мой, как обидно! Как он мог так со мной поступить?

Звуки набирающего обороты веселья вдруг резко стано-

вятся громче и снова стихают. Разворачиваюсь к двери.

– Элька, у тебя тут что-то горит! – басит Бутенко.

– Ох ты ж черт! – бросаюсь к духовке, дергаю на себя дверцу и тут же отшатываюсь, чуть не обварив лицо столбом вырвавшегося из нее пара. – Ай!

– Ну, е-мое, Эльвира Валерьевна! – бросается меня спасать Георгий Борисович. В обычной жизни Бутенко зовет меня, как и все друзья, Элей, а вот я так и не смогла себя переломить.

– Нет-нет. Я сама. А вы, доктор, поберегите свои драгоценные руки. – Отпихиваю Бутенко бедром. У меня хоть силиконовые прихватки имеются. А у Борисыча – только не слишком надежная защита в виде сложенного в несколько слоёв полотенца.

Вынимаю противень. Ставлю на заранее приготовленную подставку. Пальцы дрожат. То ли от напряжения, то ли от нервов. Понимаю, что Бутенко это тоже заметил. И, наверное, порадовался, что я в декрете. Ведь в операционной с таким тремором даже обычной медсестре вроде меня делать нечего.

По какой-то нелепой причине мне становится ужасно стыдно. Я с Бутенко-то и не работала толком. Пару месяцев, когда мне после четвертого курса меда повезло попасть на практику в его отделение, вряд ли можно принимать во внимание. Потому что уже в конце августа я попала под машину, загремела в травму, еле выжила (спасибо Юре), а потом по

закону жанра влюбилась в своего спасителя и выскочила за него замуж. Да и кто бы на моем месте в него не влюбился? Молодой, красивый, талантливый... На него облизывались все медсестры и пациентки в возрасте от пяти до ста. Мне казалось чудом, что среди такого многообразия выбора он выделил меня. И, наверное, неудивительно, что мне как-то сразу вдруг стало не до учебы. То реабилитация, то Юркина стажировка в Японии (то, что я поеду с мужем, подразумевалось само собой), то попытки зачать. Со временем академ, который я взяла на год по здоровью, отодвинулся сначала на два, потом на три, а потом меня до того затянула рутина, что мечты выучиться на врача так и остались мечтами. Я работала операционной медсестрой при муже, пыталась забеременеть, и чем больше времени проходило, тем призрачней становился шанс вырваться из этого замкнутого круга. Даже родители, для которых то, что я не доучилась, стало трагедией, постепенно смирились. И лишь Георгий Борисович нет-нет да и спрашивал, не надумала ли я восстановиться. Смешно. В двадцать восемь лет?!

С грохотом открываю ящик, достаю шикарное блюдо из китайского фарфора и принимаюсь выкладывать на него мясо.

– Любовь Павловна хотела на горячее подавать камбалу. А я чего-то от нее устала. Почему так? Только сезон ведь начался... – тараторю я, чтобы не молчать. И тут ловлю краем глаза какое-то движение. Ломоть свинины падает с лопатки

на стол. Я бросаюсь к Бутенко и выдергиваю из его рук злосчастную бумажку.

– Кхм, – как мне кажется, смущенно откашливается тот и ведет широкой пятерней по затылку. – Не думал, что это что-то конфиденциальное.

Я сухо киваю. Сгибаю злосчастную бумагу в несколько раз и сую в карман брюк. Щеки мучительно горят. Перед глазами взмывают только вот осевшие точки.

– Это просто шутка. Не берите в голову.

– Эля...

– Пойдемте уже к гостям? Поможете донести? Я еще хотела достать кимчи.

– Да, да, конечно, – хмурится Георгий Борисович. Послушно забирает блюдо с мясом из моих рук и, смерив меня еще одним странным взглядом, выходит. Боже мой! Что он обо мне подумал?! Вот что?

Я бы, может, расплакалась от бессилия, если бы в этот момент в кухню не примчался Мишка.

– Мама, а когда мы будем задувать толт?!

Ловлю маленький ураган. Подхватываю на руки и с наслаждением зарываюсь носом в темненькие волосики. Темненькие... А у меня и Юры волосы русые. У меня самые обычные, с легким отливом в рыжину. У мужа – благородного пепельного оттенка. Ловлю себя на этой мысли и сильнее сжимаю в руках сынишку. Мишка забавно пыхтит.

– Задувают не торт, а свечи.

– Все лавно. Когда? Давай сицас?

Мишка обожает задувать свечи. Прямо какой-то пунктик у него по этому поводу. Чей бы день рождения мы не праздновали – свечи задувает он. А если нет – жди истерику. Зная об этой его особенности, наши друзья выкручиваются таким образом: договариваются с Мишкой, что первым все-таки свечи будет задувать именинник, а потом зажигают их же по второму кругу, но уже специально для нашего медвежонка.

Смотрю в темные раскосые глазки и чувствую, как на меня накатывает такая чудовищная вина перед ним, что я задыхаюсь. Хотя в чем я виновата, если так разобраться?

– Давай сейчас, – киваю. – Ты возьми вот эту тарелочку, а я возьму торт. Донесешь? Не рассыплешь?

– Нет.

Достаю торт. Вставляю свечи. Тройка соседствует с пятеркой. Юре тридцать пять. Он самый молодой кандидат медицинских наук у нас в отделении. Я им страшно горжусь. И люблю его страшно.

– Ну что, пойдём? – осторожно подхватываю поднос.

– Угу.

– Споем папе песенку?

Мишка так активно трясет головешкой, что несколько лепестков капусты ляпают на пол.

– Ой!

– Ничего, я потом уберу.

С тортом наперевес впляваем в гостиную.

– Хэппи бёздей ту ю. Хэппи бёздей ту ю.

Мама со свекровью вскакивают из-за стола и, перекидываясь шуточками с гостями, начинают освобождать место под торт. Отовсюду слышится:

– Ну, Мишка – как всегда...

Дети друзей оживляются в предвкушении вкусняшки. Шумно, но даже сквозь этот гомон можно разобрать проникающие в открытое окно крики чаек.

– Детям торт, а мы, пожалуй, еще по одной вдарим.

– Сиди уж, старый пень.

– Да ладно, мам, – вступаюсь за отца.

– Вот-вот. Мы еще с Борисовичем не выпили за нашего Юрчика.

Судя по амбре, исходящему от моего папки, Борисыч единственный, с кем тот сегодня еще не пил. Губы невольно растягиваются в улыбку. Все так привычно, знакомо до боли. Как всегда. Ничего не случилось, да. Просто ошибка. Юра тоже уже, наверное, остыл. Сквозь марево, поднимающееся от зажжённых свечей, ловлю взгляд мужа, а тот осушает махом стопку, вытирает рот рукавом и подливает себе еще.

ГЛАВА 2

Праздник, который я так ждала, и столько к нему готовилась, медленно превращается в ад. Хорошо хоть веселье уже достигло такого градуса, что мое участие в нем не требуется. Тихонько сгребаю со стола грязные тарелки и комки бумажных салфеток.

– Тебе помочь? – улыбается Вера. С ней мы сдружились через ее мужа, которому в свое время Валов подлатал коленку. Какая-то большая шишка в силовых структурах, сам он на такие посиделки выбирается нечасто. А вот Вера, которая поначалу приходила к нам исключительно с мужем, со временем влилась в компанию и стала неотъемлемой частью всех наших праздников.

– Нет, Вер. Тут совсем немного осталось.

– Тогда я пойду, а то что-то голова разболелась.

– За тобой приедут?

– А то, – отвечает с невеселой улыбкой. Веру можно понять. Из-за специфики работы ее мужа Вере положен водитель с охраной. Я даже представлять не хочу, как это надо-едает.

– Хорошо. На тебе и правда лица нет.

– Мутит.

– Может... – делаю паузу, давая Вере возможность самой выбрать – обсуждать со мной ее потенциальную беремен-

ность или воздержаться.

– Не-е-ет, Эль. Все мимо.

– Может, тогда ЭКО? – с максимальным тактом интересуюсь я. Все-таки Вере уже за тридцать, а Семену вообще хорошо за сорок. И хоть они здоровы, время сводит на нет их попытки зачать естественным образом.

– Шведов мне уже весь мозг выел на этот счет. – Вера останавливается возле двери и растерянно озирается, видно, вспоминая, куда повесила куртку.

– Сейчас помогу, только тарелки отнесу, ага? – говорю я, но не успеваю ничего сделать. Потому что в глубине коридора показывается Юра.

– О, Вер... А ты чего – уже домой?

Никогда я не видела своего мужа настолько пьяным, что его даже слегка штормит. Вера тоже удивлена. Вздернув брови, наблюдает с улыбкой за Юркиным неуверенным продвижением вперед.

– Что это Юрий Игоревич так расслабился? – интересуется шепотом.

Поделиться? Я не замечала за Верой любви к сплетням. Но учитывая то, что ей, возможно, придется в будущем пережить процедуру ЭКО... Нет-нет. Что пугать человека?

– Понятия не имею. Может, кризис среднего возраста? Кто из нас биолог?

– При чем здесь биология? Это к психологам больше, впрочем, насколько мне известно, продолжительность жиз-

ни и технологический процесс сильно этот момент отсрочили. В той же Японии тридцатка сейчас – это как наши восемнадцать. Ой...

Да, ой! Оборачиваюсь на грохот и бегу к кухне. Юра валется на полу.

– Ты в порядке?

– Ага. Поскользнулся на... Кимчи? Какого черта... – моргает тот осоловело. Вглядываюсь в расфокусированные глаза, такие мальчишеские сейчас! У меня сердце сладко екает. И все плохое забывается. Сразу... Сходу, стоит только в них окунуться. Обнимаю этого дурачка. Смеюсь ему в шею, вкусно пахнущую парфюмом, который сама ему и выбираю.

– Боже! Юрий Игоревич, да вы в дрова... – шепчу сквозь приступы смеха.

– И ничего не в дрова. Ик.

– В дрова. На ногах не стоишь.

– Это потому что кто-то раскидал по полу капусту. Ик. Ты не знаешь, кто?

– Знаю. Твой любимый сынок. Я убрать забыла. Прости, – веду носом по колючей щеке, лащусь. Юра ладонями по моей спине проходится. Обхватывает пятерней грудь.

– Сынок? А разве у меня есть сынок, а-а-а, Эля-я-я? – пьяно тянет муж, сталкивая меня в ледяную бездну. Я делаю глубокий отчаянный вдох, отпихиваю его и встаю. Потому что его руки сейчас ощущаются путами, которые тащат меня ко дну.

– Проспись. А потом поговорим.

Выхожу из кухни, повторяя про себя как мантру: «Он так не думает, он так на самом деле не думает! Нет-нет-нет. Юра протрезвеет и извинится». Потому как даже если на ЭКО что-то перепутали (а это вообще полностью исключается), он же это все со мной пережил. Он радовался беременности! Он на руках меня носил и ездил по ночи за город в теплицу, потому что мне захотелось «помидор с грядки». А как Юра плакал, когда ему положили Мишку на грудь? Да мне вообще на мужа грех жаловаться. Валов идеальный отец. Мне все подруги завидуют. Он и памперсы Мишке менял, и кормил, и купал, и гулял с ним, даже когда сам падал от усталости. Он возил его в поликлинику, снимал на видео все достижения и, раздуваясь от гордости, постил в соцсети. Первую Мишкину улыбку, первый зуб, первый шаг. Он учил его плавать и ездить на самокате. А этой зимой обещал поставить Мишку на лыжи.

– Эль, ты в порядке?

Моргаю. Сквозь слезы проступает побелевшее лицо Веры. «Какая она красавица», – мелькает в голове совершенно не к месту. Кудрявая, тонкая, но фигуристая.

– Да, конечно. Пойдем, провожу. – Отворачиваюсь к шкафу, достаю куртку.

– Ты прости, я услышала... – смущенно кусает губы Вера, выходя вслед за мной во двор.

Она случайно услышала, Бутенко случайно прочитал. Но-

вности распространяются со скоростью лесного пожара, что в прошлом году слизал всю растительность с расположенной в тридцати километрах от нашего дома сопки. С моря дует, я зябко ежусь. Перевожу взгляд на темный Мерседес, на котором за Верой приехали.

– Ой, да было бы что! Пьяный бред.

– Мне никогда не нравились шутки про Мишку Япончика. Это надо придумать – называть ребенка прозвищем отморозка. Кажется, это пошло от твоего свекра?

– Папа не со зла. Да и разве он виноват, что за ним подхватили все наши? – заступаюсь за свекра. – Извини, Вер, не хочу сейчас об этом. Давай, пока. Спасибо, что нашла время заскочить.

– Да-да, конечно, прости. И не обращай внимания на этих идиотов. Если копнуть, здесь у каждого местного в предках можно найти азиата.

Это правда. Кто только ни жил в наших краях: корейцы, японцы, китайцы. Я хоть и не доучилась, знаю, что некоторые генетические особенности запросто могут проявиться через несколько поколений. Киваю, мол, да-да, конечно. Вера коротко меня приобнимет и перед тем, как скрыться за тонированными стеклами Мерседеса, слегка сжимает в своей руке мою ладонь. Наверное, я выгляжу совсем жалко, раз уж даже не особенно тактильная Вера решила меня обнять. Знаете, бывают такие люди, личное пространство которых будто обнесено забором? Вот Вера такая. Из-за этого самой

бы мне даже в голову не пришло ее коснуться или чмокнуть в щеку, как у нас заведено с некоторыми подругами. М-да...

Запахнув куртку плотнее, гляжу вслед удаляющимся фарам, а когда Верина машина скрывается за поворотом, сворачиваю к морю. Дом свекров расположен, пожалуй, в самом элитном районе, находящемся в городской черте. Но коммунальщики даже здесь на все забили. Кое-где оголились бетонные укрепления и ржавые опоры. Плитка то тут, то там пообваливалась, земля просела, а лестницы повело. Однако все равно здесь очень красиво. Удачное место – налево маяк, направо – новенький мост, соединяющий остров с материком.

Бреду к воде. Прошлогодний сухостой цепляется за брюки. Натянув куртку на задницу, усаживаюсь на скамейку. пляж тут считается непригодным для купания из-за несоответствия микробиологических показателей воды норме. Так что местные предпочитают выезжать покупаться в бухтах за городом, а я, бывает, плаваю и здесь. Правда, тайком, когда никого нет дома, а то заругают.

Смотрю на проступающие сквозь песок огромные валуны, облюбованные чайками и бакланами. Не знаю, почему некоторые местные так рвутся уехать из наших краев в столицу. Лично я не представляю себя в отрыве от этого места. От этих диких нетронутых рукой человека красот. И не пугают меня ни долгая доставка в интернет-магазинах, ни огромные по меркам европейской части страны цены, ни раздолбанные

дороги, ни сумасшедшая влажность, ни маленькие зарплаты. Впрочем, на безденежье мне жаловаться глупо. Юра достойно обеспечивает семью.

Я так погружаюсь в свои думы, что не слышу чужих шагов за спиной.

– Хорошо тут у вас.

Вздрагиваю, поворачиваюсь к севшему рядом Бутенко.

– У вас тоже, говорят. Когда на новоселье уже позовете?

– Когда ты перестанешь мне выкать. Чувствую себя стариком.

– Глупости, – криво улыбаюсь, – у врачей к этому иммунитет. Вас же с юных лет только по имени-батюшке величают. Вот и я привыкла.

На самом деле это, конечно, правда, но не вся. Мне просто кажется, что сокращенное до «Жоры» имя Бутенко жутко ему не идет. Вот Георгий – другое дело. Оно соответствует масштабу этого большого во всех смыслах человека. Почему его никто так не зовет? Почему, стоит только уйти от условностей, Георгий Борисович превращается в Жору?

– Элька, ну, хоть на ты давай.

– Только ради приглашения на новоселье, – смешливо щурую глаза.

– А восемь лет дружбы, значит, недостаточный повод? – подхватывает заданный тон Бутенко.

– Не пытайся спрыгнуть с темы. Все равно не отмажешься! Георгий Борисыч, ну правда. Только ведь и разговоров,

что ты, наконец, построился.

– Да где там? Кажется, все темы у вас здесь крутятся во-круг рыбалки.

– У нас здесь? Ты сколько лет назад переехал? Остров так и не стал твоим домом? – оживляюсь я. Бутенко приехал к нам из столицы молодым специалистом поднимать новень-кий медицинский центр. Как пришлый, он, конечно, не мог понять нашей любви к рыбалке. А это ведь целое дело! А это ведь свои ритуалы и передающиеся из поколения в поколе-ние традиции. Вспомнить хотя бы лов корюшки. Или зим-нюю крабалку.

– Да, наверное, лет двенадцать назад. Я никогда не считал.

– И до сих пор не проникся?

– Рыбалкой – нет. А так уже вроде привык.

– А как же азарт? Да ты что!

– Мне азарта на работе хватает.

Разговор заходит в тупик. Некоторое время сидим в ти-шине, не сговариваясь, наблюдая за чаячьей охотой.

– Пойдем в тепло, Эля.

– Иди. Я пока не хочу.

– Юра уже угомонился.

– В каком это смысле? – невольно нахохливаюсь.

– В самом прямом. Спит он. Идем. Все будет хорошо.

– Конечно, будет. Я не понимаю, о чем вы.

– Мы уже вроде на ты?

Закусив губу, жадно хватаю носом прохладный воздух.

Завелась я и впрямь не по делу. Стыдно как...

– Я Юре не изменяла, понятно? Это ошибка. Какая-то чудовищная ошибка. Да? – истерично всхлипываю я, ни с того ни с сего вновь падая на самое дно отчаяния.

– А на хера вы вообще тест делали? Юрка, что... он усомнился? Потребовал доказательств?

Рука Бутенко проходится по моему бедру, я, как полная идиотка, отшатываюсь в сторону, прежде чем понимаю, что он просто полез в карман за сигаретами. Наверное, у меня такая карма – выставлять себя перед ним дураой.

– Н-нет. Что ты? Конечно, нет. Я сама.

– Зачем?

– А как ты думаешь? Надоело, что каждый мнит своим долгом поделиться, что наш сын совсем не похож на родителей.

– Люди бестактны.

Борисыч вставляет в рот сигарету, сминает пустую пачку и выбрасывает в урну, прикрепленную к боку скамьи.

– А можно и мне?

– Так последняя ведь.

Чувствуя себя ужасно нелепой, пожимаю плечами. Идиотка, говорю ж.

– Если не побрезгуешь – на, травись, – добавляет, затянувшись.

Какая глупая ситуация. Откажусь – подумает, что побрезговала. Нет – придется курить одну сигу на двоих, а это

слишком интимно. Но как же хочется! Как вкусно пахнет дым... Я вот лично не понимаю этих всех айкосов с их мерзким ароматом гнили.

Пауза затягивается. Бутенко тоже... Не глядя на него, протягиваю руку. Сигарета из его пальцев переключивается в мои.

– Только смотри, чтобы никто не шел.

– Неужто до сих пор мамку боишься? – белозубо улыбается Георгий Борисович.

– Еще как.

Прикрываю глаза. Сигарета скворчит. Шумит море, баюкая окунувшееся в него одним боком солнце. Можно сколько угодно притворяться, что все хорошо...

– Георгий Борисыч, как думаешь, какая вероятность больше? Что перепутали биоматериал, отданный на анализ, или... его же, но на ЭКО?

Отдаю сигарету. Бутенко глубоко затягивается.

– Я бы сказал, что и то, и другое невозможно, – наконец, говорит он.

– Вот ты онколог. Через тебя проходят миллионы анализов, всяких биопсий, неужели никогда не бывало сбоев?

– За столько лет всякое случалось.

– Вот видишь. Уверена, при повторном тесте мы получим совсем другой результат.

– Дай бог. – Бутенко возвращает мне сигарету и добавляет: – Эль, а ты на материнство не думала сделать тест?

– З-зачем? – давлюсь дымом.

– Если биоматериал перепутан на этапе ЭКО, где гарантия, что была взята твоя яйцеклетка?

ГЛАВА 3

– Эля, я не понимаю. У вас что-то случилось?

– В каком смысле? – удивляюсь я.

– Это ты мне скажи, почему ты сегодня такая дерганая.

Ушла куда-то. Юрчик вообще напился. Я его никогда не видела в таком состоянии.

– Мам, – закатываю глаза. – Папа тоже еле ноги переставляет. Я ж не спрашиваю, что у вас случилось.

Невольно растягиваю губы в улыбке, наблюдая за не слишком успешной попыткой отца погрузиться в такси при сильном участии моего свекра. Вот уж у кого праздник удался, так это у этой парочки.

– Тоже мне нашла с кем сравнивать! Я тридцать лет с этим выпивохой живу.

– И неплохо ведь живешь, мам.

– Неплохо, – соглашается та, – но Юрчик наш не пьет почти, а тут, Эля!

– Мам, ну что? Не я же в него водку заливала.

– Ага. Это твой непутевый папаша взялся мне зятя спаивать! Ух, я дома ему задам!

– Не надо. Не ругайтесь. И давай уж садись, а то придется простой оплачивать.

– Тогда до скорого, – мама крепко меня обнимает, ведет носом, принюхиваясь: – Ты что, смолила, Элька?

– Да ты что?! – округляю в праведном гневе глаза. – Это я от Борисыча прокоптилась.

– Смотри мне!

– Ой, все! Мне не пятнадцать.

– Ладно, не злись. Ты помнишь, что мы на Янтарный собирались? Хочу новую мормышку попробовать в деле.

– Помню, – уверяю я. – Созвонимся ближе к выезду, ладно? Может, к нам и Любовь Павловна присоединится.

Родители, наконец, уезжают. Беру хорошенько вмазанного свекра под руку и веду к дому, где нашего возвращения ожидает взволнованная свекровь.

– Вот это погуляли! – качает головой.

– Да уж. – Со смешком передаю Игоря Ивановича в надежные руки супруги. – Мишка спит?

– Да, Элечка, уложили.

– Спасибо. Я тоже, наверное, пойду. Или надо помочь убраться?

– Да я уже справилась. Иди, моя хорошая, отдыхай.

Вымученно улыбнувшись, поворачиваюсь к лестнице на второй этаж. Поднимаюсь вверх под тихие голоса родных. О чем, интересно, они беседуют? Игорь Иванович ведь лыка не вяжет!

Наша спальня и детская расположены по правую сторону от лестницы. Спальня свекров и кабинет – по левую. На цыпочках захожу к себе. В комнате такой перегар, что самой опьянеть можно. Первым делом распахиваю окно. Меж-

ду перспективой замерзнуть к утру или задохнуться я выбираю меньшее из зол. И только потом бесцеремонно расталкиваю мужа:

– А? Что? – подслеповато щурится тот.

– Ты всю кровать занял. Ляг нормально.

Дождавшись, пока Юра перевернется так, чтобы и мне было куда лечь, достаю из-под подушки ночнушку и иду в ванную. И вот тут моя выдержка резко заканчивается. Тело охватывает озноб. К горлу подкатывает колотящееся сердце, уши закладывает, как при подъеме по серпантину. Трясущимися пальцами кое-как расстегиваю брючки, а вот жемчужные пуговички на блузке ни в какую не поддаются. Обидная неудача, которая для меня становится последней каплей. Сползаю по стенке на пол и вою, заткнув рукой рот.

Чтоб тебя пронесло, Георгий Борисович! Чтоб тебе мои кровати по-азиатски вышли боком.

«Если биоматериал перепутан на этапе ЭКО, где гарантия, что была взята твоя яйцеклетка?»

Вот зачем он это сказал? Я же теперь... Я с ума сойду! Он этого добивался? Даже если я сдам анализы завтра, результаты будут готовы только через несколько дней. И все эти дни я буду мучиться. Господи, ну вот зачем я вообще это затеяла? Зачем, а? Жила бы себе дальше и горя не знала, так нет! Ох, Эля...

Кое-как заставляю себя подняться. Раздеваюсь до конца, не глядя на себя в зеркало, делаю погорячей воду. Но, кажет-

ся, даже кипяток не справится, не растопит сковавший мое тело лед. Надеваю ночнушку и иду к сыну, по дороге убеждая себя, что это просто какая-то ошибка. Так ведь не бывает. Не может быть! Чтобы тот, кого я выносила и выкормила, оказался чужим ребенком. Хотя бы потому, что после этого он уже мой! Родной, сладкий, любимый... И я никому, никому его не отдам. Даже если вдруг выяснится... Нет! Этому не бывать.

Толкаю дверь в детскую и замираю в дверях. Не я одна решила проведать сына. Возле кровати Мишки сидит его драгоценный отец и осторожно, боясь разбудить, перебирает темные волосы. Зажмуриваюсь. В груди сладко щемит. Подхожу ближе. Пушистый ковер скрадывает звук моих шагов, так что Юра вздрагивает, когда я легонько касаюсь его плеча. Смотрит на меня снизу вверх блестящими больными глазами.

– Я никогда тебе не изменяла. Никогда.

– Я знаю. Наверное... знаю.

Муж тянет меня за руку вниз, чтобы я тоже присела. Послушно сползаю на ковер. Прислоняюсь к его плечу, касаюсь холодными губами виска.

– Давай прямо завтра пересдадим анализы? Должно быть, случилась какая-то чудовищная ошибка!

– Не хочу, – трясет головой Юра.

– Почему?

– Не хочу, и все! Пока я не знаю правды, остается шанс...

Он резко встает. Чуть не падает, хватается за тумбочку,

опрокинув ночник. Мишка дергается. Я бросаюсь к сыну:

– Тщц, – напеваю, поглаживая того по выпяченной маленькой попке.

– Прости. Не хотел.

– Иди, проспись! – цежу я. Благо Мишку не так легко разбудить. Повозившись, он лихо переворачивается на другой бок и спокойно спит себе дальше. А Юра, психанув, уходит. Впрочем, даже пьяному ему хватает ума не грохать дверь. Прижимаю дрожащие пальцы к вискам. Пусть он что хочет делает, а я не могу прятать голову в песок, делая вид, будто ничего не случилось. Я прямо завтра поеду в лабораторию. Вот только непонятно, что делать, если вдруг окажется, что Мишка мне не родной. А если у меня его отберут? Боже! Ведь я понятия не имею, на чьей стороне закон в таких случаях! Что, если Мишку отдадут биологическим родителям? Что, если у каких-то чужих людей растет мой биологический сын? Истерика, над которой я с таким трудом обрела контроль, вырывается на волю.

Я вываливаюсь из детской, как пьяная, хотя вообще не пила сегодня. Захожу в спальню, не глядя на Юру, нахожу телефон и выхожу с ним на балкон, набирая номер, по которому я сто лет не звонила. Хоть бы Пятс его не сменил!

– Эльвира Валерьевна, ну ты вообще на часы смотрела? – раздается в трубке сонный голос с протяжным эстонским прононсом.

– Привет, Матиас... Извини, вопрос жизни и смерти.

С Матиасом мы одноклассники. Я так и не доучилась, а он, молодец, получил вышку и подался в бизнес, основанный еще его отчимом. С тех пор сеть принадлежащих их семье диагностических центров здорово разрослась и вышла далеко за пределы нашего края.

– Ну что там у тебя? Так и знай, я уже одним глазом сплю.

– Скажи, пожалуйста, насколько реален такой сценарий...

Сбиваясь и перескакивая с одного на другое, выкладываю Пятсу свою историю. Где-то на середине рассказа ко мне на балконе присоединяется Юра. Внимательно вслушиваясь, крутит у виска пальцем и отворачивается к морю, возвышаясь на фоне затянутого кобальтовыми тучами неба.

Матиас долго молчит. Что взять с эстонца?

– Ну?! – нетерпеливо подгоняю его. – Что скажешь?!

– Эля, если ошибка подтвердится – это охренеть каких масштабов ЧП.

– Думаешь, я этого не понимаю?! Лучше сориентируй, что делают в таких случаях!

Обычно спокойная, сейчас я с трудом контролирую голос.

– Понятия не имею. Мы с таким не сталкивались. Но по закону матерью является та, которая выносила ребенка. Поэтому, кстати, ваши женщины так боятся прибегать к услугам сурмам.

Я с шумом выдыхаю. Ноги подкашиваются. Не чувствуя холода, я опускаюсь в плетеное кресло. И без сил подставляю ветру лицо, чтобы он остудил кипящие в голове мысли.

– Что же мне делать, Пятц?

– Для начала выдохни и просто пересдай тест. А там уж будем разбираться по ходу дела.

– А если окажется, что мне подсадили чужой эмбрион? – Юра резко оборачивается. Смотреть на него страшно. Глаза горят, волосы включены, грудная клетка дергается, как будто он сейчас схлопочет инфаркт.

– Все будет зависеть от вас. Что вы решите? Станете ли поднимать кипиш, выяснять, что стало с вашими эмбрионами, обращаться в надзорные органы. И так далее. Но я тебе даю девяносто девять и девять десятых процентов за то, что до этого не дойдет. Такие ошибки исключены. Все процессы в лаборатории доведены до автоматизма, образцы тщательно промаркированы и...

– Когда я сдавал сперму, в лаборатории случилось короткое замыкание, – вдруг подает голос Юра. – Компьютер перезагрузился. Может быть... – он осекается, не в силах договорить, и со всей дури лупит кулаком в стену.

– Ну что ты делаешь? – чуть не плачу я, вскакивая с кресла. Ловлю его руку и, не отрывая трубку от уха, собираю языком выступившие на костяшках алые капли крови.

– М-да уж, Эля, – вздыхает Пятс, – умеете вы взбодрить. Давай, погребайте утром. Лично вами займусь. К девяти будет нормально?

– Да! Спасибо, Матиас.

– Давай, до завтра. Все будет хорошо, не накручивай себя

попусту.

Рука с зажатым в ней телефоном безвольно падает вниз.

– Боже, Элька, ты прости меня, малышка. Прости...

Юра берет мое лицо в ладони, стирает большими пальцами слезы. Оказывается, я все же заплакала.

– За что, Юр?

– За то, что я так на своем зациклился.

– Да уж неувидительно, – всхлипываю я. – Такой себе вышел подарочек! Ты тоже меня прости.

Тянусь к его рукам, и пофиг на жуткий перегар, что от него исходит. Все, наконец, правильно. В его объятьях мне ничего не страшно. Он мой дом, он моя защита. Вместе мы вообще, кажется, все на свете сможем преодолеть.

– Давай в дом, Элька. Ты совсем околела.

И правда... Возвращаемся в спальню. Юра укутывает меня в теплое одеяло.

– Побудь со мной, – прошу я.

– Обязательно. Сейчас только в душ схожу, приду в чувство. – Юра морщится. – Но сначала тебе сделаю чай. Подождешь?

Выдавив вымученную улыбку, киваю. Что мне остается? Только ждать. Мужа. А потом результатов теста. Юра идет к двери, но, не дойдя до цели, возвращается. Открывает комод, что-то там ищет. Чертыхается. Подходит ко мне, опускается на одно колено и натягивает мне на ноги толстые шерстяные носки. С глаз капает. Одна тяжелая соленая капля,

другая... Боже мой, я не знаю, что буду делать, если это все потеряю! Если я потеряю его...

– Не плачь, Элька. Я дурак. Дурак, да?

– Нет. Иди, – понимая, как Юре тяжело, не хочу, чтобы он взваливал на себя еще и то, с чем, наверное, могу сама справиться, – ты чай хотел заварить.

– Ага. И в душ. Воняю я, наверное, жутко.

– Да уж ничем не хуже, чем после прошлогодней охоты, – смеюсь я, наморщив нос.

Юра улыбается:

– Люблю тебя, неженка.

– А я тебя.

Муж уходит, я потуже запахиваю на груди одеяло. Комната выстудилась быстрее, чем я этого ожидала. Устраиваюсь поудобнее. Какой бесконечный, какой тяжелый день. Веки наливаются свинцом, тяжелеют...

– Эй, Элька, да ты спишь!

– Нет. Давай свой чай, – мурчу я, не открывая глаз. Юра хмыкает и осторожно, чтобы не обожглась, вручает мне в руки чашку.

– Пей и в кровать ложись, а то я не уверен, что дотащу тебя в таком состоянии.

– Вот уж не надо и пытаться. Мне еще тебе руку обработать надо, наверное, – спохватываюсь.

– Сам себя покалечил – сам и полечу. Мудак психованный. Это ж надо было? Послезавтра три плановых... – злит-

ся мой обожаемый муж.

– Сильно приложился?

– Суставы целые. А там заживет. На крайняк уколою обезбол. Не переживай.

Легко сказать – не переживай. А ведь от его золотых рук, без всякого преувеличения, зависят чужие жизни. Юра – хирург от бога. Я так им горжусь! Сама-то я так ничего и не достигла в этой жизни, так что успехи мужа воспринимаю почти как свои собственные.

Пью чай. Юра плещется в душе. Нет, я так не могу. Может, я и не врач, но вот медсестра из меня получилась довольно-таки неплохая. Отставляю чашку и решительно иду в ванную. Юра оборачивается и замирает с занесенным над головой полотенцем, устремив на меня вопросительный взгляд.

– Я за аптечкой.

– Да тут фигня. Банеоцином засыплю.

– Труссы надевай, – закатываю глаза. – Он у нас хоть есть?

– Еще бы. Чем, по-твоему, я Мишке коленки лечу?

Улыбаюсь. После сегодняшней встряски такие вот привычные разговоры успокаивают. Напоминают о том, почему мы вместе. И что связывающие нас узы прочны.

– Да он вроде давно не сбивал коленок.

– Ага. Кое-кто в нашей семье имеет отличную координацию. Мишка отлично управляется с самокатом. Я так в два года не мог.

– У тебя был самокат? У меня не было.

Нужное лекарство искать не приходится. Флакон стоит на самом видном месте. Вынимаю крышку зубами, поднимаю взгляд и... утопаю в голодном взгляде мужа.

ГЛАВА 4

Есть что-то особенное в том, что Юра смотрит на меня так спустя восемь лет совместной жизни. Впрочем, поначалу наш секс был все-таки другим: более плавным, более нежным, более светлым, что ли? И смотрел он на меня, наверное, все же иначе. Что-то изменилось, когда мы решили завести ребенка и не смогли.

После первой попытки, когда ровно в назначенный день пошли месячные, мы посмеялись, дескать, ерунда, только кошки беременеют с первого раза. После шестой стало не до смеха, но мы держали лицо и старались не отчаиваться, а после года безуспешных попыток месячные я встречала, уже не скрывая слез. По какой-то причине я была твердо уверена, что дело во мне. В конце концов, я пережила серьезную аварию, на последствия которой было довольно логично списать все наши неудачи. Я винила себя и комплексовала. И до того себя накрутила в итоге, что мне стали сниться кошмары. Почти каждую ночь я переживала ту проклятую мясорубку снова и снова. Просыпалась в холодном поту, сквозь слезы кляла себя и винила, что сама спровоцировала аварию. Пусть невольно, да. Но ответственность за нее лежала на мне. Прекрасно понимая, как опасно перебежать дорогу в неположенном месте, и все равно выскочила на проезжую часть. И никак меня не оправдывало то, что там нельзя было перейти

дорогу иначе. Из-за многочисленных сопок рельеф у нашего города очень сложный, и вся его инфраструктура ориентирована преимущественно на автомобилистов. Тротуаров или нет, или они обрываются в самом неожиданном месте. Из-за этого пешеходам неизбежно приходится нарушать правила, перебегая на свой страх и риск дорогу там, где это категорически запрещается. Я не одна так делала. Я не одна пострадала.

Надо заметить, Юра ничего мне не предъявлял. Напротив, муж очень меня поддерживал. Все изменилось, когда выяснилось, что проблема заключается не во мне.

– Елена Сергеевна настаивает, что тебе нужно сделать спермограмму.

Юра удивленно завис на секунду, потом широко улыбнулся и протянул игриво с расслабленной ленцой в голосе:

– Почему нет? Сделаем, раз надо.

Сейчас я думаю, что он так легко согласился на обследование, потому как был на все сто уверен – уж с ним-то точно все в порядке. А оказалось, что высокое либидо еще не означает такое же высокое качество спермы. Обидно, да, но даже у таких шикарных самцов могут быть проблемы с зачатием. Все наши неудачные попытки забеременеть были вызваны слабой подвижностью Юркиных сперматозоидов. И вот когда он узнал о своем изъяне, все и изменилось...

– Юр, – шепчу я, глядя на него с укором. Сейчас мне как-то не до секса. Неужели он не понимает? Судя по тому, как

резко Юрка дергает меня на себя – нет. От удара о его твердую грудь вышибает дух, и дыхание сбивается. – Ты правда хочешь сейчас потрахаться?

– Очень. Трахну так, что стоять на ногах не сможешь.

Поначалу он никогда не использовал таких слов. Ему не нужна была грубость, он не обращался к грязным словечкам, чтобы ярче вспыхнуло. Все это пришло в нашу жизнь с диагнозом. В какой-то момент у меня сложилось впечатление, что всем этим Юра то ли наказывает нас за что-то, то ли, напротив, доказывает себе, что он все еще о-го-го. Я не роптала, понимая, что это его способ справиться с комплексами. Юра как будто надеялся количеством половых актов как-то компенсировать то, что они ни к чему не ведут. Именно тогда в нашей интимной жизни все перевернулось с ног на голову. А я со спины – преимущественно на четвереньки. Как оказалось, мой муж питал особенную страсть к догги-стайлу.

– Юр, у меня вообще не о том мысли, – вяло отбиваюсь от мужа.

– Вот и отвлекись, – оскаливается тот в ответ и поворачивает меня лицом к стене. Застываем щека к щеке. Юра приковывает меня к себе мутным взглядом в отражении зеркала. В его серо-зеленых глазах горит необузданная темная похоть. И хоть сейчас я бы с гораздо большим удовольствием просто полежала с мужем обнявшись, я завожусь, отравляясь ей. Запрокидываю голову, чувствуя, как невольно приоткрываются губы, и чувственно потираюсь задницей о его

стояк.

– Моя девочка, – шепчет Юра, спуская по плечам тонкие бретельки моей ночнушки. Стоит его пальцам коснуться сосков, и я выгибаюсь еще сильнее. Мое тело настроено на этого мужчину, на него одного, порой кажется, я вообще все на свете ему позволю...

– Юрка, Юрочка, Юр... Давай хоть в спальню, что ли?

– Зачем? Тебе разве так плохо? – Юрка выкручивает мои напряженные соски, задирает подол и дальше без всякой подготовки врывается в меня одним глубоким толчком, так что у меня ноги отрываются от пола, и я повисаю, распятая, в отчаянной попытке удержать свой вес на вытянутых, скользких по мраморной столешке ладонях. – Ну? Тебе плохо со мной?

– Хорошо-о-о, – мышцы ритмично сжимаются. Боже, о чем он вообще? Я ни с кем другим себя даже не представляю.

– Да, да, да... Ты ж моя сладкая. Тебе много не надо, да?

Иногда это звучит как претензия. Как будто он недоволен тем, что я улетаю так быстро. И зачастую не один раз. Глупо, но порой из-за этого я чувствую себя... как будто бы грязной. И очень, очень уязвимой перед ним.

– Аа-а-а-а!

Я кончаю мгновенно. Зажимаюсь, переживая судороги, одна за другой прокатывающиеся по телу, и вновь, захлебываясь, мычу, когда муж резко обрывает мой крик звонким шлепком по заднице.

– Ах ты ж сучка. Давай-ка еще разок...

Ловлю, как рыба, ртом воздух.

– Нет, Юр, хватит... Юра-а-а.

Да только его теперь и катком не остановить. Юра задирает мою ногу, ставит стопу на столешницу и дотраховывает в каком-то совершенно диком остервенелом темпе. Наверное, из-за принятого на грудь спиртного процесс в этот раз сильно затягивается. Я кончаю еще раз и растекаюсь по столешнице, а Юра все никак не достигнет пика.

– Вот так, вот так... Кайф, какой же кайф... – хрипит он, наконец, забываясь в оргазме. Потом долго, будто извиняясь, ласкает губами мою покрытую испариной спину, слизывает пот с шеи и гладит горячие от шлепков ягодицы. Он никогда не извиняется за то, что был слишком груб. Мы вообще об этом не говорим. Впрочем, я вовсе не уверена, что ему есть за что извиняться. Если только за то, что в самом начале отношений между нами все было по-другому? Так ведь жизнь идет, все меняется. Многие пары начинают экспериментировать, чтобы поддерживать в отношениях страсть. Да и мне ли после двух оргазмов жаловаться? Нет. А эта тоска... Это просто тоска по ушедшему. Вяло взбрыкнув, высвобождаюсь из-под Юркиной туши, но тот останавливает меня, сжав пальцы на запястье.

– Я переборщил?

– Нет. Просто...

– Что?

Жуя губы, прикидываю, стоит ли поднимать эту тему. Есть ли вообще что здесь обсуждать? Наверное.

– Давай я обмоюсь, и поговорим? Кое-кто здорово меня запачкал.

Юра соглашается. Наспех обмывает в раковине опавший член и уходит, оставляя меня наедине с невеселыми мыслями. Уже стоя под душем, я прихожу к выводу, что на фоне всех остальных проблем то, что сейчас случилось – ничего не значащий пустяк, говорить о котором глупо. Но когда возвращаюсь в комнату и застаю Юрку спящим, испытываю парадоксальное разочарование от того, что разговора у нас не вышло.

Ночью мучаюсь от бессонницы, встаю разбитой. Из кухни доносится аромат булочек. Значит, свекровь встала первой, и завтрак за ней. Привожу себя в порядок.

– Юр, – бужу мужа, – Юра, вставай.

– А? Что такое? Который час?

– Восьмой.

– Восьмой? Кто-то умер? Ты чего меня в такую рань будишь? Воскресенье ведь!

– Мы собирались в лабораторию, – напоминаю я мужу и чувствую, как он напрягается по мере того, как к нему возвращается воспоминание о вчерашнем.

– Не чуди. Ложись, – подгребает меня под себя.

– В смысле, Юр? – отбиваюсь. – Я так не могу. Надо поскорее со всем разобраться.

– Не с чем разбираться.

– Постой, ты хочешь сказать, что ничего не помнишь?

Нет, он что, серьёзно сливается? Мы же вроде определились с порядком действий.

– Такое забудешь, – шипит Юра, накрываясь с головой подушкой.

– Ну, как хочешь, – психую я. – Тогда я одна поеду.

Дышу глубже, потом что, если так разобраться, мужа можно понять. Мне тоже ужасно страшно. Но разве мы не должны пройти через это вместе? Громко хлопая дверцами шкафа, вытаскиваю первые попавшиеся джинсы и парку. Одеваюсь. Чувство бессилия, которое я испытываю, ужасно. Оно пробуждает злость. На языке кружится куча резких ядовитых слов, о которых я непременно пожалею, если произнесу вслух. Судорожно сглатываю подкативший к глотке скандал.

Хлопнув дверью, сбегая по лестнице. Как я и думала, давая нам подольше поспать, Мишку забрала бабушка. Обхожу стол, целую сидящего в детском стульчике сына в круглую щечку.

– Доброе утро. Тебя еще не успели накормить?

– А что такое? – вклинивается свекровь.

– Нам нужно сдать кровь.

– В воскресенье? А что за спешка? Пульмонолог что-то сказал, да? – пугается Любовь Павловна. Помимо плюсов в виде готовых завтраков, в жизни с родителями есть и ощутимые минусы. Например, они в курсе всего, что происходит

в жизни нашей семьи.

– Угум, – вру я. – Только, пожалуйста, мам, без паники. Ничего страшного нам не ставят. Обычная перестраховка. Да, сыночек?

– Да, – солидно кивает Миша.

– Ладно. Тогда хоть ты поешь.

Учитывая, что мне тоже предстоит сдавать кровь, от завтрака я отказываюсь:

– Нет-нет, мы уже поедим. Не то Мишка проголодается и устроит скандал.

– Кто? Наш сладкий пирожок? Вот уж не поверю. Наговаривает на тебя мамка, Мишань, ты слышал? Говорит, ты скандал устроишь.

Мишка озадаченно сводит темные бровки, подыскивая ответ, а потом его личико озаряется радостной улыбкой:

– Папа! Папа...

Мишка выгибается, без слов требуя, чтобы его освободили. Не без страха вынимаю его из стульчика и ставлю на пол. Мишка несется к отцу, мое сердце разгоняется. Почему? Чем вызвано это странное волнение? Вряд ли Юра его оттолкнет, или... Ч-черт, я даже зажмуриваюсь, когда он падает в отцовские руки. Выдыхаю, медленно открываю глаза и расплываюсь в улыбке. Ну и дуручка же я! Конечно, мои страхи беспочвенны. Пока я сходила с ума, Юра подбросил Мишку до потолка, заставляя того визжать, и дурашливо подул в живот.

– Миш, беги, переодевайся.

– Я вас отвезу, – бросает Валов, скользнув по мне беглым взглядом. Я киваю, мысленно благодаря бога за то, что муж все же сумел преодолеть страх. Самой бы мне с этим справиться было гораздо сложнее.

– Спасибо, – шепчу, растрогавшись.

– Спасибо?! Эль, да ты что? Юр?! Ты вчера в одно лицо всади бутылку. Куда тебе за руль? – всплескивает руками свекровь.

В итоге за руль сажусь я. Хотя если честно, по-хорошему, надо было брать такси и не морочить голову. Уж слишком я взвинчена. Впрочем, утром в воскресенье дороги относительно свободны. Мы доезжаем быстро и без приключений. Усилившееся волнение не в счет.

Как и обещал, Пятс встречает нас лично. Пожимает руку Юре и, больше нас не задерживая, сразу же провожает в манипуляционную.

– Слушай, я вчера выпил крепко по случаю юбилея, это ничего? – спрашивает Юра, растерянно глядя на колбу.

– Вряд ли это изменило твою ДНК.

– И то так.

– На вашем месте я бы так не парился, ребята. Ошибки такого рода – редкость. Ну что, Мишань, ты первый, а?

– Ни хатю! – кочевряжится Мишка, извиваясь в руках. Чувствую себя садисткой из-за того, что ему приходится через это все проходить по нашей дурости.

– Ты же у меня смелый. А это совсем не больно.

– Как комалик куснул?

– Ага, как комарик, – подключается к уговорам Юра, забирая сына из моих рук. – Ну, хочешь, я первый пойду?

– Хоцю.

С горем пополам сдаем кровь всем семейством. Мишка, позабыв о том, что он, в общем-то, мужественный парень, хнычет. А я так его понимаю! Тут хоть бы самой в голос не зареветь.

– Матиас, а можно нам как-нибудь побыстрее получить результат?

– Можно. Но сутки подождать придется.

– Прошлого результата я ждала пять. Так что переживу. Спасибо тебе большое.

Мне приходится повышать голос, чтобы перекрычать истерику Мишки. Тот как будто решил, что пора выплакать всю обиду. Повис на отце и ревет – ну точно медвежонок. А Юра что-то шепчет ему и ласково гладит по спинке.

Из лаборатории выкатываемся в абсолютном раздрае. Дело сделано. Теперь только ждать. И молить бога, чтобы наши идиотские опасения не подтвердились.

ГЛАВА 5

– Ну, кажется, все. Я побегу. – Юра наспех чмокает меня в щеку и склоняется над калошницей в поисках подходящей под его сегодняшний наряд обуви.

– У Мишки в двенадцать утренник. Ты не забыл?

Юра достает шоколадного цвета оксфорды и зависает в недоумении, сведя к переносице брови. Ну, собственно, с учетом текущей обстановки, чего-то такого я и ждала.

– Бля-я-я, Эль, вообще из башки вылетело. Подъеду, если получится, но не слишком на это рассчитывай. У нас в десять летучка у главврача.

Мне, конечно, обидно, что муж забыл о первом утреннике нашего сына, но зацикливаться на этом совершенно не хочется. Особенно учитывая тот факт, что я и сама вспомнила о злосчастном выступлении только сегодня утром, когда открыла родительский чат.

– Ясно. – С улыбкой поправляю воротничок на Юриной рубашке. – Тебе еще не пришли результаты?

– Нет. С тех пор, как ты об этом спрашивала пять минут назад, ничего не поменялось.

Ирония – это, наверное, хорошо? Глядя в пол, бурчу:

– Я просто волнуюсь.

– Я тоже. Не видела мои ключи?

Восемь лет одно и то же! Закатываю глаза, сгребаю с по-

лочки брелок сигналки и вкладываю в ладонь мужа.

– Вот. Кстати, я думала заехать на работу сразу после утренника.

– В смысле? Ко мне, что ли? – По традиции увязываюсь за мужем, чтобы проводить его до машины. Конечно, специально я для этого не вставала бы, но будучи жаворонком, почему нет? Мне в удовольствие эти минуты наедине.

Зябко ежась, запахиваю на груди старую шерстяную кофту. Сырость до костей пробирает. А с моря дует так, что бедных чаек сносит боковым ветром. Зябко.

– Ну да. Мне же надо написать заявление о выходе из декрета. Или как это называется?

– Там ничего не надо писать. Достаточно уведомления.

– Тогда считай, я тебя уведомила.

– Может, еще посидишь?

– Зачем? Мишка уже полгода ходит в садик.

– И только месяц – на весь день.

– Ну и что?

– Да ничего. Впереди лето. Зачем ему томиться в саду?

– Исходя из такой логики, зачем мы его вообще туда отдали?

– Ладно, чего заводишься?

– Я не завожусь, Юр. Просто не могу отделаться от мысли, что ты всеми силами пытаешься отсрочить мое возвращение.

– Так я этого и не скрываю.

– Офигеть! – округляю глаза.

– Говорю как есть, Эль. Сейчас у нас все отлажено. Ставки поделены, операционные бригады сложились. Ты выйдешь, и все пойдет по одному месту. А потом начнется – то больничный, то утренник, – подкальывает, – то еще что-нибудь. Знаю я вас, вчерашних декретчиц.

– В тебе сейчас говорит жуткий сексист.

– Во мне сейчас говорит руководитель с большим опытом работы. – Юра наспех меня целует и скрывается за тонированными стеклами своего внедорожника. Вот и поговорили. Нет, конечно, с одной стороны, я рада, что мой муж не юлит и прямо заявляет о том, что его смущает. С другой – мне немного ревниво осознавать, что пока я сидела с Мишкой, у Юры сложилась какая-то своя, отдельная от меня жизнь. Что рядом с ним в операционной стояла другая женщина. Что он хвалил ее, или подшучивал, чтобы подбодрить, как только он умеет, в особенно напряженные моменты. Оказывается, профессиональная ревность – страшная вещь. Страшная и иррациональная. Безусловно, я рада, что вокруг моего мужа собралась команда профессионалов, но, ч-черт, как же непросто осознавать, что я сама не имею к ней отношения. В такие моменты я особенно жалею, что не доучилась. И такое разочарование меня охватывает, такие сомнения... Получается, он вполне может без меня обходиться, а я... Что я вообще собой представляю без мужа?

Проводив взглядом удаляющиеся огни фар, возвращаюсь в дом. Проверяю почту, куда мне должны выслать результаты

теста, но там закономерно нет ничего нового. Ведь рабочий день еще даже не начался.

– Пап, вы закинете Мишку в садик?

– Конечно. Люба его уже собрала.

– Как? Я же хотела ему новенький костюмчик надеть...

Игорь Иванович пожимает плечами. Всплеснув руками, бегу наверх. Хорошо, что свекровь успела натянуть Мишке только футболочку. Не приходится его мучить переодеваниями.

Спустя четверть часа домашние разъезжаются по своим делам. Оставшись одна, я прибираюсь на кухне, складываю в посудомойку грязные чашки и тарелки, включаю робот-пылесос. Словом, делаю все, чтобы отвлечься и не обновлять снова и снова свою электронную почту. Вылизав первый этаж, поднимаюсь наверх. Распахиваю шкаф, растерянно смотрю на развешанную одежду. Не сказать, что с рождением сына я забила на свой внешний вид, но в моем гардеробе теперь преобладают более удобные в повседневной носке вещи: джинсы, спортивные костюмы и худи. Все это совершенно не годится ни для утренника, ни для появления в царстве Валова. Почему? А потому что для меня не секрет, какая там царит атмосфера. Суточные дежурства и постоянный стресс на рабочем месте очень способствуют всякого рода блядству. Стоит только появиться какому-нибудь перспективному доктору, как на него тут же открывается охота. И неважно, холост он или женат. Там только дай

повод. Юра, кстати, по мере сил боролся с этой напастью, но всех ведь не проконтролируешь. Кот из дома – мыши в пляс. А потом сплетни... Кто с кем, когда... И так далее.

Не сказать, что я сильно загоняюсь по этой теме. Сомнений в Юриной верности у меня нет. Но имея перед глазами кучу не самых радостных примеров, особенно не расслабляюсь и в редкие свои визиты к мужу стараюсь выглядеть на все сто, чтобы каждая хищница знала – жена у шефа красавица, не стоит и пытаться.

Порывшись в шкафу, в конечном счете останавливаюсь на дымчатого цвета брюках-палаццо и красивой голубой блузе. В обычной жизни я не крашусь, но раз уж решила выглядеть идеально, достаю косметичку. Руки дрожат от волнения (чертовы анализы!), поэтому от стрелок приходится отказаться. Наношу тон, тщательно прокрашиваю брови и ресницы. Природную пухлость губ подчеркиваю карандашом телесного цвета и блеском. Надеюсь, мне не придется плакать.

Все же, как ни крути, макияж придает уверенности. Надев каблуки и прихватив сумочку, выхожу из дома. Утренние пробки успели рассосаться, к садику я приезжаю за десять минут до начала представления. Как раз когда Юра скидывает сообщение, что не сможет ко мне присоединиться. Это несколько сбивает позитивный настрой. Но стоит младшей группе выйти на сцену, как губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Может, со мной что-то не так, но я не представляю, как на этот перформанс можно смотреть с серьезным

выражением на лице, ведь... Господи, малышня танцует так, будто они всей группой только вышли из продолжительной комы. А песни? Да половина детишек, кажется, еще не научилась говорить. Нет, это очень, очень смешно. Кусая губы, отправляю мужу бумеранги особенно смешных моментов. Смех булькает в горле, уже совсем-совсем близко. Вот будет позорище, если я с ним не справлюсь.

«Боже мой! И это я пропустил?!»

«А я говорила. Теперь живи с этим».

Зажмуриваюсь, переживая внутри себя острый укол счастья. Это так важно – знать, что мы вместе, даже когда не рядом. Когда у нас столько общего: ребенок, чувство юмора, да вся наша жизнь! В этот момент мне плевать на тесты, вот просто с высокой горы плевать! Переодеваю Мишку, блаженно улыбаясь, и кажется, ничего плохого с нами просто не может случиться. И тут... Тр-р-реньк.

Да-да, почту можно было не проверять. У меня установлен сигнал на входящие.

– Мы сицяс поедем домой?

– Нет. Сначала мы заедем к папе на работу.

Помогаю сыну устроиться в кресле, защелкиваю ремни и сажусь за руль. Стучу пальцами по кожаной оплетке. Открывать или нет? Я сейчас так понимаю Юру! Нужна ли мне эта правда? Что я буду делать, если она окажется неудобной? Под ложечкой мерзко сосет. Если так разобраться, вся моя привычная жизнь висит на волоске... Вся. Моя. Жизнь. Бо-

же мой. Я просто не могу сидеть на месте. Выкатываюсь из машины, сажусь к Мишке назад и, вытащив только что пристегнутого сына из кресла, сажаю его на колени.

– Мама! – возмущенно пищит мой медвежонок. Не обращая внимания на его протест, целую сладкие щечки, восточные глазки, лобик, кулачки – все, что придется. А тот сначала пыхтит, потом, выворачиваясь, смеется, такой счастливый, такой беззаботный! Абсолютно не понимающий, насколько мы близки к катастрофе. И слава богу, конечно. Меньше всего я хочу его напугать своим неадекватом. Сцепив зубы, заставляю себя чуть разжать руки. Истеричка! Как так вышло, что я абсолютно не могу справиться... С эмоциями. С последствиями. Ч-черт. – Я люблю тебя, мой сладкий. Знаешь как люблю?

– До звездочки?

– И обратно.

И этого абсолютно ничего не изменит – мелькает спасительная мысль. Сморгнув слезы, достаю телефон и открываю злосчастное письмо. Буквы расплываются, картинка дергается перед глазами, как зажеванная в видике киноплёнка, несмотря на то, что я, вроде бы, успокоилась. Представляю, что где-то там, в нескольких километрах от нас, Юра тоже пляшется на экран, и, возможно, правильнее было бы просмотреть результаты вместе, но что уж теперь? Я не вытерплю неизвестности.

Проморгавшись, сосредотачиваюсь на экране. В голове

проносятся адресованные кому-то свыше то ли просьбы, то ли глупые обещания. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Пусть он будет положительным, боже, я никогда и ничего у тебя больше не попрошу. Только пусть он будет...

Мишка, которому довольно быстро надоедает сидеть без дела, начинает капризничать и выгибаться. Я шепчу что-то бессвязное в его макушку, а сама все смотрю, смотрю... Положительный! Да? Мой тест положительный. Только бы не заплакать! Но я так перегорела, что слез как будто и нет, они выкипели внутри, испарились. От облегчения растекаюсь по дивану безвольной ни на что не способной лужей. Господи Боже, спасибо!

– Когда мы поедem к папе?! – возмущается Мишка.

– Сейчас, мой хороший, сейчас. Давай только я тебя пристегну.

Сказать легче, чем сделать. Несколько километров я еду чуть ли не час. Мне сигналият вслед, на меня орут, открывая окна. Но я просто не могу ехать быстрее. У меня плывет перед глазами, и трясутся руки!

С горем пополам добираюсь до клиники. Поднимаюсь с Мишкой за ручку по ступенькам. Благо травма расположена на первом этаже. Иду, никого не видя, по коридору, стучу и тут же толкаю дверь в кабинет мужа. Юра о чем-то оживленно переговаривающийся со старшей медсестрой, оборачивается. В самой этой ситуации нет ничего такого. Они работают в тесной связке и встречаются по сто раз на день. Но мой

взгляд успеваает зафиксировать то, как показательно не спеша рука Елены Васильевны отрывается от его предплечья.

– Привет, – широко улыбаюсь я, заходя в кабинет. – Не помешала?

– Да нет, заходи, конечно. – Юра манит меня рукой и приседает, распахивая объятия сыну.

– Я, пожалуй, пойду.

– Уже? А я так обрадовалась, что вас поймала.

– Да? – удивляется старшая.

– Ага. Думала обсудить свой выход на работу. Или... – перевожу взгляд на мужа, – Юрий Игоревич вас еще не предупредил?

– Нет. Но у нас тут с утра сумасшедший дом.

Ну что, пять баллов. Очень мудрая тактика – прикрывать начальство даже перед женой.

– У нас тоже, – сладко улыбаюсь я, – Мишань, расскажи папе про утренник. Это было феерично. – И резко меняю тему: – Я хотела бы выйти с первого июня.

– Ну-у-у, время еще есть. Я посмотрю, что можно придумать. Марина Петровна как раз уходит в отпуск, и на полставки...

– Полставки? Почему пол? Я уходила со ставки с четвертью.

Что, Леночка, облом, да?

– Полагаю, это надо обсудить с Юрием Игоревичем.

– Конечно.

Скомканно попрощавшись, Елена Васильевна ретируется. Валов ухмыляется, складывает на груди руки и опускается на столешницу.

– Ну и что это было?

– Что? – невинно хлопаю глазками, впрочем, этот театр очень быстро мне надоедает. Я же не для этого здесь! – Юр, ты проверил почту?

– Нет, было некогда.

– Я проверила, – шагаю к нему в объятия. – Все хорошо. Как я и думала... Теперь осталось только проверить твой результат, и можно будет забыть это как страшный сон. Давай!

– Что давать?

– Юра, блин! – щиплю мужа за бок. – Проверь почту!

Юрка растерянным жестом ведет по голове, обнимает меня, касается лба своим:

– Пипец, стремно.

– О, мне об этом можешь не рассказывать. Я сама жутко перенервничала.

Юра понимающе хмыкает. Похлопав по карманам, достает телефон. Ему ужасно идет медицинская роба. Именно в ней я впервые его увидела и влюбилась насмерть. Если в мире и существует любовь с первого взгляда, то это точно была она. Я как в омут с головой в его глаза ухнула. Не знаю, что бы я делала, если бы Юра не ответил мне взаимностью, когда это позволили обстоятельства. Возможно, стала бы караулить его у отделения. Или придумала бы какую-нибудь несую-

ществующую болячку, лишь бы попасть к нему на осмотр.

Ободряюще сжимаю в руке пальцы мужа.

– Ну?

Юра сглатывает, опускает глаза. Ресницы у него, как стрелочки – не слишком длинные, но густые, как щетка.

– Он отрицательный, Эля. Он, блядь, отрицательный...
Снова.

ГЛАВА 6

– И? – выдыхаю я.

– И?

– Да. Что ты думаешь делать?

Я, наверное, спрашиваю какую-то глупость? Судя по лицу Валова – да. С другой стороны, когда вся твоя жизнь выходит из-под контроля, единственный шанс не поехать крышей – сохранить хотя бы его иллюзию. Вот почему нам нужен какой-то план. Ориентир или... Я не знаю.

– Понятия не имею, – сипит Юра, – Миш, оставь эти папки в покое. Слышишь, сын?

Он спрашивает и сам, наверное, не замечает, что его интонация становится вопросительной совсем не на слове «слышишь»... А я, как назло, подмечаю все. Пошатываясь, отхожу к столу. Забираю из цепких Мишкиных пальчиков чью-то карту и застываю, слепо глядя на выкрашенную красивым серебристым цветом стену. Картинка перед глазами начинает уже знакомым образом прыгать. Вот бы взять и, как кинолентку, отмотать нашу жизнь назад. Но нет. Так не бывает.

Зажмуриваюсь. Не знаю, как космонавты ощущают себя в момент перегрузок, но почему-то кажется – как-то так... Я словно в мясорубке. Меня сносит с орбиты и несет, несет... Куда-то, где нет привычных ориентиров, где очевидным становится тот страшный факт, что все привычное и знакомое,

все, что ты знал и любил, в чем никогда не сомневался, осталось в прошлом. И это ужасно страшно.

– А мне? Что делать мне, Юра? Ты веришь, что я тебе изменила? Или...

Может, это сейчас не так важно, но мне нужно знать! Знать, в чем он меня обвиняет. И обвиняет ли в принципе?

– Не пори чушь! А что делать... Я и сам не знаю. Дай мне, что ли телефон этого твоего Пятса.

– Зачем?

– Затем, что я должен выяснить, куда этот криворукий му-
дак дел мои образцы.

– Он-то тут при чем?

– Это его блядская лаборатория! – орет Валов. Я вздрагиваю, веду по волосикам испуганно жмущегося к ноге Мишки.

– Юра... – шепчу, сглотнув слезы.

– Прости! – он прячет лицо в ладонях, дыша как выброшенный на берег кит. – Прости, Эля. Я сейчас не в себе. Давай потом поговорим, ладно? Мне нужно все обдумать. А вы домой езжайте.

– Ладно. А ты? Уверен, что сможешь сейчас работать?

– Я уже вообще ни в чем не уверен. – Юра падает в кресло и жестом, полным отчаяния, обхватывает голову. Я видела его разным. Я была с ним в самых сложных, самых горьких жизненных ситуациях, я утешала его, когда он терял пациентов, с ума сходя от бессилия... Но никогда я не видела его

настолько сломленным.

– Юра... – шепчу бессвязно. – Но он же... Ты же его любишь и...

– Потом, ладно, Эль? Иди. Только номер Пятса оставь. Он не меньше нас заинтересован в том, чтобы мы не поднимали шумиху.

Я киваю, диктую мужу номер давнишнего друга. Не без труда убеждаю сына, что нам пора уходить. И только на стоянке до меня доходит, что если мы действительно поднимем шумиху, о том, что Мишка не Юрин сын, узнают все кому не лень! В том числе и наш сын... Я останавливаюсь. Прикладываю руку к груди, ощущая, как внутри меня пробуждается что-то страшное. Дикое... То что ревет там, то что заставляет распрямляться поникшие плечи и выровнять спину. Я со страшным хрипом хватаю воздух. Легкие горят, тело вибрирует, в виски долбят ударные дозы адреналина. Я осторожно, контролируя каждое свое движение, чтобы ничего не сломать, прижимаю сына к сердцу и понимаю, что убью любого... любого убью за один косой взгляд в его сторону. Вот он какой, оказывается, материнский инстинкт. Господи, а я и не знала... Чтобы как-то себя обуздать, покрываю звонкими поцелуями Мишкины щечки.

– Мама, неть! Фатит! Мама!

Конечно-конечно. Кое-как беру себя в руки и, затолкав пробудившегося Халка на место, усаживаю Мишку в кресло. По дороге домой убеждаю себя, что мы непременно со всем

разберемся. И все преодолеем. Правда, чем больше времени проходит, тем слабее становится моя вера. Потому что Юра ведет себя совсем не так, как я могла бы предположить. Он просто от меня закрывается. Проходит несколько дней, а Валов так и не находит в себе сил поговорить о своих чувствах. Лишь к четвергу я припираю его к стенке, и то лишь бы узнать, что Юра выяснил в разговоре с Пятсом.

– То, что и следовало ожидать. Якобы в тот день сперму сдавали всего два человека. Второй образец, который оказался моим, по сей день не был использован.

– Это же хорошо?

– Ты серьезно? – по какой-то неведомой мне причине Юра заводится. Вскakiвает с кровати и начинает метаться по комнате.

– А что, было бы лучше, если бы твоей спермой кого-нибудь оплодотворили?

Я стараюсь контролировать интонации, потому что кому-то из нас нужно сохранять выдержку. Узнав, что Мишка Юре не родной, мы, конечно, были раздавлены и думали, что ничего хуже с нами уже случиться не может. И потом только дошло, что у той ошибки могли быть и другие не менее фатальные последствия. Например, если бы сперму Юры пустили в ход.

– Что? – Валов моргает. – Нет, конечно.

– Тогда почему ты так зол?

– Потому что я не верю ему, Эля. Я, блядь, тупо ему не

верю!

– Зачем бы Матиас стал нам врать?

– Затем, что это капец какой скандал! Кто, блядь, пойдет в его сраную лабораторию после такого?!

Наш разговор прерывается стуком в дверь. На пороге, не скрывая тревоги во взгляде, маячит свекровь.

– Юр, Эль, вы чего кричите? У вас что-то случилось?

Ошарашенная ответом мужа, я пожимаю плечами и выхожу прочь. Пусть сам объясняется. Всю неделю я говорила себе – ничего-ничего, Эля, ему просто тяжело. Всю неделю я пыталась проявить понимание, войти в его положение, и так далее. И ничего, как-то оно двигалось, а тут вдруг забуксовало. Может, потому что я мысленно споткнулась о его последнюю фразу.

– Эль, ты куда?

– Пойдем с Мишкой погуляем.

– Там стемнеет скоро, да и шторм заходит.

– Да мы недолго, не переживайте.

Сбегаю вниз, захожу в гостиную, где Мишка в компании деда смотрит мультики. Быстро одеваю сына в легкий непромокаемый комбинезончик, чтобы не замерз у воды, а сама обхожусь паркой. На берегу в такую погоду всегда есть что посмотреть. То ракушку какую выкинет, то рыбешку, то битого краба... Мишка, как настоящий исследователь, бегаёт от одной находки к другой. Откапывает лопаткой в нужных местах, тычет в морские сокровища палкой, а я просто бреду

за ним и стараюсь дышать ровней.

– Папа! Смотри, что я нашел!

Забавно припрыгивая в резиновых сапогах, Мишка подхватывает морскую звезду и резко меняет направление. Я тоже медленно оборачиваюсь. Юра идет к нам по берегу, засунув руки в карманы джинсов. Нутро болезненно сводит. Никогда в своей жизни я не была настолько растеряна, как сейчас. Так зла и так чудовищно обижена тем, что он оставил меня наедине с чувствами, с которыми я не справляюсь. Мне хочется вопить, перекрикивая рев набирающего силу шторма: «Какого черта, Юра?! В чем моя вина?! В чем... Мишкина вина, Юра? Ты кого вообще любил? Его или... себя в нем, а, Юра?».

Но я молчу. И черта с два скажу еще хоть слово. Твоя очередь, Юра. Мне тоже, знаешь ли, хуево. Как будто надо мной надругались. Валов приближается, я пячусь, глядя ему в глаза.

– Ух ты! Это астерия амурская.

– Отпустим?

– Как хочешь. Думаю, у нее не очень много шансов в такой шторм.

Юра вымученно улыбается и стирает дрожащими пальцами налипший на Мишкину щечку песок. А Мишка потирается мордашкой об отцовскую руку... целует костяшки и убегает к кромке воды. Юркино лицо болезненно кривится. Обнимаю себя, скрестив на груди руки. Ветер забивается в

рот, дерет горло, горчит на языке... Я не могу. Просто не могу подобрать слов, способных его поддержать. Я так устала от того, что он меня отталкивает...

– Эль, я должен выяснить правду. Должен, понимаешь? Поставь себя на мое место. Что если где-то растет мой сын?

В моих ушах ревет: «Твой сын бежит у тебя перед носом, придурок!». Но я же, блядь, адекватная женщина. Почти святая. Я молчу, позволяя Валову рвать в лоскуты мое сердце.

– Делай что хочешь. Я только об одном попрошу – не поднимай скандал. Мишка... он ни в чем не виноват. Понимаешь? Ему не надо знать, что ты... Что...

Я даже не могу сформулировать свою мысль до конца – настолько она не укладывается в голове. Замолкаю и отворачиваюсь, слыша за спиной поток отборной брани и тонущий в звуках шторма ор. Юркина боль прорастает метастазами у меня в груди. И тут не к месту звонит телефон...

– Вера?

– Привет, Эль. Как дела?

– Да ничего. Вышли с Мишкой прогуляться. А ты как?

– Я? Я захандрила что-то. Шведов решил поднять мне настроение прогулкой на яхте. В воскресенье планируем сняться с якоря. Вы как? Присоединитесь?

– Даже не знаю, – тихонько шмыгаю носом. – А кто будет?

– Наши. Вот, обзваниваю. Яхту Шведову одолжил Вершинин, – Вера понижает голос. – Так что нам точно будет где

развернуться.

Речь идет о местном олигархе, который заправляет на острове. За последние годы для этого самого острова он сделал больше, чем все чиновники, вместе взятые, и местные на него не намолятся. Будь я в настроении, так непременно бы тоже прониклась перспективой такого знакомства, но тут как-то не до этого. Исключительно для поддержания разговора замечаю:

– Ничего себе. А он сам будет?

– Вроде не собирался, а что? Хочешь его познакомить с какой-нибудь своей незамужней подругой? – смеется Вера.

– Ну уж нет. Я в свахи не нанималась. Просто это ж Вершинин. Неловко как-то.

– А вот это ты зря! Он обычный мужик, Эля. Не из тех, к кому на хромой козе не подъедешь.

– Эх.

– Да забей. Его все равно не будет. А ты как решишь – едешь, нет, отзвонись, договоримся о времени.

Прощаюсь с Верой, уже понимая, что никуда я не поеду. Настроение на нуле. Тут не до веселья. С другой стороны, что мне теперь – не жить? Мишка наверняка порадуется выходу в море. Да и вообще, ну когда еще нам выпадет такая возможность? Местные со всего города съезжаются посмотреть, когда яхта Вершинина заходит в порт, а мы на ней можем прокатиться!

Ловлю Мишку за руку, собираю его грабли с лопатками.

Тот опять нагреб полные карманы ракушек, я уже не знаю, куда их девать. На Юру, которому вроде бы удалось взять себя в руки, стараюсь не смотреть. Я такая хрупкая сейчас, что меня любая мелочь способна смертельно ранить. Косой взгляд, резкий поворот головы, брошенное вскользь резкое слово... Будто понимая, насколько я уязвима, Юра, увязавшись за нами следом, молчит. А ближе к дому взваливает визжащего Мишку на плечи и берет меня за руку. Так и возвращаемся.

– Иди, прими горячую ванну.

– Сначала Мишка.

– А мы в родительской искупаемся, да, Миш?

– Только ш пенкой.

– Обязательно. Как же без пенки?

Разговоры, на которые раньше я бы даже внимания не обратила, сейчас вызывают слезы. Оставляя Мишку с отцом, иду, чтобы набрать себе ванну. Потом долго откисаю в горячей воде, а почувствовав, что еще немного, и я просто усну, с трудом заставляю себя выбраться и дойти до кровати. Прежде чем уснуть, ловлю себя на том, что не зашла пожелать сыну сладких снов. И все... Отключаюсь. Среди ночи меня будит Юра. Тяжело придавливает к матрасу, сгибает в колене ногу и берет свое, не встретив сопротивления.

Суббота у него рабочая. Я же планирую провести выходной дома, но когда свекровь начинает мягко меня пытаться о причине наших с мужем скандалов, хватаю Мишку в охапку

и сбегая к родителям. Вот только и в их старенькой двушке с видом на порт мне нет покоя. Оказывается, Любовь Павловна уже и матери моей настучала о том, что между нами с Юрой пробежала черная кошка.

– Эль, ты, главное, мудрой будь, ага? Что бы там ни было, сама понимаешь, эти мужики – такой народ, – поучает меня мама.

– Какой – такой? – уточняю я, отпивая горячий чай.

– Своеобразный! Нам нужно быть мудрее. Тебе надо... У Юрочки сейчас возраст сложный, можно запросто наломать дров. Но в любом случае знай, он скоро перебесится. Будь гибче, мягче, постарайся не нагнетать. В конце концов, ты дома сидишь, а у Юрчика каждый божий день нервотрепка. Ответственность...

– Я сижу в декрете. И вообще, ты сейчас говоришь о том, о чем не имеешь понятия.

– Так расскажи мне, в чем сыр-бор! Мы с Любочкой знаем как переживаем? Я еще у Юрчика на дне рождения почувствовала, что что-то не так. Вы же наши дети, мы волнуемся.

– Странно. У меня такое чувство, что я – подкидыш. Ты ведь как, мам? Юра то, Юра это... А я? Мам, как же я?

– Эля...

– Ладно. Проехали. Мы сами разберемся.

От родителей возвращаюсь с камнем на сердце. Мне нужна передышка. И тут очень кстати приглашение Веры прока-

титься на яхте. Уж не знаю, насколько мне будет весело, но, по крайней мере, я буду избавлена от пристальных взглядов родных.

– Вера звала нас прокатиться на яхте. Завтра. Я думаю поехать, ты как? – спрашиваю у Юры, не особенно надеясь, что он согласится.

– Интересная постановка вопроса. Раньше мы вместе решали, как провести единственный выходной.

Валов проходится по мне тяжелым немигающим взглядом, но хрен он угадал – я не собираюсь извиняться и испытывать чувство вины за то, как у нас все в последнее время складывается. Потому что это он отдаляется от семьи. Он, а не я...

– Но раз ты хочешь выйти в море, я, конечно, поеду с вами.

Знала бы я, чем это все закончится...

ГЛАВА 7

– О, ты и Бутенко позвала? – не скрывая удивления в голосе, осторожно иду по понтону к яхте.

– Ага. Я тут была у него на приеме, – Вера ведет плечом, – ну и предложила, особенно ни на что не надеясь. А он взял и согласился, представляешь?

– Ты? На приеме у онколога? – я оглядываюсь, чтобы убедиться, что идущему за нами следом Юре не нужна моя помощь с сумками. Навьючили мы его – будь здоров. В одной руке три пакета, в другой – сумка, и еще рюкзак с Мишкиным барахлом на плече.

– А... Да. Ничего серьезного. Перестраховка, – машет руками Вера. С улыбкой подает руку капитану, лихо спрыгивает на палубу и тянется к Мишке. – Ну что, Мишань, готов к плаванию?

– Ага, – кивает тот, зачарованно озираясь по сторонам. Я спрыгиваю следом за сыном. Мишкин восторг заразителен и понятен. Здесь и впрямь есть на что посмотреть. Яхта новая и большая. Белоснежные бока контрастируют с медового цвета доской, устилающей палубу, и хромированными деталями в оснастке. Все вместе это выглядит просто шикарно. А какой парус! Сейчас, конечно, спущенный, но ведь нетрудно представить, каким он станет, поймав попутный ветер...

– Ты Мишке взяла жилет, или здесь поищем?

– Взяла, конечно. Он у Юры в рюкзаке.

Отойдя в сторонку, наблюдаем за тем, как мужчины за-
таскивают на палубу баулы с вещами и снедью.

– Надеюсь, вы не завтракали. Я предлагаю сразу накрыть
на стол. Как думаешь, шампанское с утра – это слишком?

Приподняв брови, заглядываю Вере в глаза. А та смеется
и заговорщицки мне подмигивает.

– Что? Не ожидала?

– От тебя – нет! – признаюсь как на духу.

– Я такая скучная?

– Не скучная. Просто... Как бы это сказать? Правильная?
Мне это страшно в тебе импонирует.

– Ой, да брось.

– Я серьезно! Ты кажешься такой, – щелкаю пальцами,
подыскивая нужное слово, – непогрешимой.

– Значит, точно пора нагрешить. Семен! – зовет мужа. –
Где пакован с выпивкой?

Шведов бросает канат, раздвигает сложенные один на дру-
гой пакеты и выуживает на свет божий солидного вида пере-
носной холодильник. Про Семена я ничего плохого сказать
не могу. Мы не так часто видимся, а когда это происходит, он
всегда внимателен к Вере и обходителен, но иногда... Иногда
в его взгляде на жену проскальзывает что-то такое, от чего
я невольно ежусь. И отвожу глаза с мыслью, что подсмотрела
нечто интимное, предназначенное только для этих двоих.
Не спрашивайте. Я не могу этого объяснить. Он как будто

одержим ею.

– Ты когда в последний раз напивалась? – улыбается Вера, снимая мюзле с бутылки шампанского.

– Интересное дело, – хмыкает Семен, наблюдая за происходящим со сложным выражением на лице. Там и удивление, как мне кажется, и настороженность, будто он не знает, чего еще от своей жены ждать. Интересно, что у них происходит? В несвойственной Вере оживленности мне видится что-то странное.

– Вот видишь, Вер. Семен против. Может, не будем? – отчего-то нервничаю я.

– Еще как будем! У меня, может, праздник.

– Какой?

– Хороший день. Не так часто они у меня бывают. Так когда ты, говоришь, напивалась в последний раз?

– Не помню, – смеюсь и отхожу в сторону, освобождая дорогу мужчинам. – Наверное, еще до беременности.

– Ого!

– Ага. Кстати, а кроме того, чтобы напиться, у нас еще есть какой-нибудь план? Я Мишане обещала, что ты расскажешь ему про животных, – шучу, шаря в рюкзаке в поисках злосчастного спасательного жилета. Безопасность на воде – прежде всего.

– Обязательно! Не переживай. Я, даже в дрова пьяная, смогу прочитать лекцию.

– Откуда такая уверенность? Только не говори, что тебе

приходилось читать лекции пьяной. Я все равно ни за что не поверю!

– Ты права. Не было такого. Но сегодня у нас есть все шансы проверить мои предположения. Семен, а ты можешь попросить капитана пройти мимо Замятина, посмотрим на сивучей?

– Почему нет? Может, еще будут какие-нибудь пожелания?

– Не-а, можешь возвращаться к мальчикам.

Постепенно яхта заполняется все новым гостями. Их не так много, может, человек двенадцать. Кого-то я знаю, кто-то мне незнаком, но стеснения нет. Я вообще сама по себе общительная, а Верино шампанское и вовсе творит чудеса. Пьем, потихоньку накрывая завтрак аристократа – канапе с икрой, устрицы, морские ежи... Устрицы довольно большие, сама я такие обхожу стороной, потому что их не так-то просто добыть из ракушки, но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Ловлю пробегающего мимо мужика:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.